

Дерзкое требование невесты

Автор:

Люси Монро

Дерзкое требование невесты

Люси Монро

Любовный роман – Harlequin #1102

Греческий магнат Александрос Кристалакис знал, что его короткий и бурный роман с Полли может закончиться только одним способом – она наденет его кольцо! Он предложил ей, простой девушке из американской глубинки, окунуться в мир невероятной роскоши и богатства, которые он приумножает, управляя бизнес-империей своей знатной семьи. Но это все, что он мог дать. И Полли принимает предложение. Но не все так просто...

Люси Монро

Дерзкое требование невесты

Lucy Mongro

AFTER THE BILLIONAIRE'S WEDDING VOWS...

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A. Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его

корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

After the Billionaire's Wedding Vows...

© 2021 by Lucy Monroe

«Дерзкое требование невесты»

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2022

Глава 1

Александрос Кристалакис, греческий миллиардер и меценат, вошел в холл, завершив телефонный разговор с одним из своих бизнес-партнеров в Америке. Он ничуть не удивился при виде ожидавшей его жены.

Поллианна за годы брака наконец выработала привычку к пунктуальности. Теперь она никогда не опаздывала, а вот былую живость, так его восхищавшую в первый год их брака, утратила безвозвратно. И бурные проявления любви исчезли вместе с ее непосредственностью. Сначала он думал, что это результат первой беременности, трудного периода и эмоционально, и физически. Но после родов она не вернулась к старым привычкам, которые его так восхищали.

Хотя Александросу было грех жаловаться. Его жена потратила много сил, чтобы приспособиться к новому образу жизни и статусу супруги миллиардера из старинной семьи знатного греческого рода.

Поллианна, американка из простой семьи, выросла совсем в другом окружении и воспитывалась в иной культуре, поэтому замужество стало для нее своего рода вызовом. Но нет такого вызова, с которым не смогла бы справиться его удивительная красавица-жена.

Когда они поженились, Поллианна почти не говорила по-гречески и тем не менее посещала с мужем светские рауты и использовала вновь обретенное положение для поддержки благотворительных проектов.

Ее природная естественность, дружелюбие и открытый характер покорили его друзей и знакомых, и высшее афинское общество, хотя и неохотно, все же приняло ее в свои ряды.

Сейчас, на шестом месяце беременности их вторым ребенком, она выглядела красивее, чем в день их свадьбы. Кроме того, она излучала такое достоинство, что имя Анна подходило ей гораздо больше, чем Полли, как ее называли домашние, подумалось Александросу. Тем более что и его мать настаивала на Анне.

Дизайнерское платье, ее фирменного серебристо-голубого цвета, облегло чуть располневшую грудь и изящно ниспадало на уже заметную выпуклость живота. Его ребенок растет в чреве любимой женщины.

Это наполняло его такой гордостью, которую он не испытывал даже при заключении самой выгодной сделки.

Александрос с нескрываемым восхищением разглядывал супругу.

– Потрясающе выглядишь, жена моя.

– Недаром ты платишь непомерные гонорары стилистам, – ответила она, не глядя на мужа и без тени улыбки на лице.

Она вообще последнее время вела себя очень сдержанно на людях. Другим она еще могла улыбнуться и мило побеседовать, но в присутствии мужа вела себя как покорная восточная жена.

За исключением спальни, где превращалась в страстную роковую женщину, без которой он не мыслил своего существования.

Александрос понял, что она особенная, стоило им оказаться в одной постели. Потому и попросил ее руки, отвергнув многих богатых наследниц из числа греческой знати, которых подсовывала ему маман еще с университетской скамьи.

И она ответила «да». Почему бы нет?

Он смог обеспечить Поллианне образ жизни, о котором она даже не смела мечтать.

Но сейчас дело было не в дорогом дизайнерском платье или сверкающих бриллиантах, которые она решила надеть на еженедельный семейный ужин, и даже не в шелковистых каштановых волосах, уложенных в элегантную прическу, а в том, как она светилась беременностью. Это и побудило его сделать комплимент.

Раньше она всегда отвечала на его комплименты искренней улыбкой. Сейчас в ней явно произошла перемена, и он пока не понимал, в чем дело. К примеру, ей перестало нравиться обращение «любовь моя». Нет, она не просила так ее не называть, она вообще ничего у него не просила и не спорила с ним в последнее время. Она просто невольно морщилась при этих словах, и Александрос больше так к ней не обращался.

Они летели на вертолете в фамильный особняк в полном молчании, что не было неожиданностью. В кабине было шумно, хотя оба были в наушниках, говорить не хотелось. Было время, когда они общались взглядами, и Поллианна тесно к нему прижималась. Сейчас он не мог вспомнить, когда в последний раз она проявляла такую открытую привязанность за пределами спальни.

Женатые друзья предупреждали, что брак со временем превращается в рутину, но Александрос был уверен, что их семейной жизни подобное не грозит. Он ошибся, но ни секунды не жалел о том, что сделал эту женщину своей женой.

Их перелет прошел нормально, и они прибыли в родительский дом, расположенный в самой престижной, северной части Афин, вовремя.

Мать Александра приветствовала их традиционным двукратным поцелуем, хотя и пощадила макияж невестки, поцеловав воздух. Поллианна ответила тем же. Она выглядела спокойной и полной достоинства и совсем не походила на ту юную девушку, не умевшую скрыть неприязни к свекрови в первые месяцы брака.

Сейчас она была сама безмятежность. За исключением постели, где вновь демонстрировала свою страстную натуру, но с одним исключением: никогда не начинала любовные игры первая.

Он не помнил, когда это началось. Зачем? Поллианна всегда с готовностью отвечала на его ласки. Однако с некоторых пор он стал замечать, что жена перестала проявлять инициативу, хотя их интимная жизнь продолжала буйно цвести. Тем не менее он ощущал непонятное чувство утраты чего-то важного.

– Вижу, ты продолжаешь пользоваться услугами стилиста, которого я рекомендовала, – вроде бы с одобрением заметила свекровь. Только почему-то ее слова прозвучали критикой.

– Так и есть, – согласилась Поллианна.

Неожиданно в разговор вмешалась жена брата:

– Полли вовсе не нужен стилист. Она обладает врожденным стилем, – убежденно заявила Коррина.

Его мать повела плечами с явным оскорблением. Она считала имя Полли чересчур простым, если не сказать плебейским и настаивала, чтобы та была для всех Анной.

Хотя в постели он по-прежнему называл ее Полли, особенно в моменты оргазма. Имя, под которым он впервые узнал ее.

Александрос посмотрел на своего брата, ожидая, что тот ненавязчиво напомнит своей молодой жене о правилах хорошего тона.

Но Петрос одобрительно улыбнулся Коррине:

- Ты как всегда права, любовь моя. Анна никогда не нуждалась в стилистах. Похоже, мой брат зря тратит на них деньги.

Коррина с обожанием взглянула на мужа. Было в этом взгляде нечто такое, что вызывало у Александра смутную тревогу, но он не мог понять, что именно. Хорошо, что его молодая невестка смотрела на своего мужа так, словно он был супергероем. Так и должно быть.

- Не ожидала, что меня будут отчитывать в собственном доме, - отчеканила его мать ледяным тоном.

Коррина осталась безучастной к замечанию свекрови, а Петрос занервничал. Недовольство омрачило его лицо, и он огрызнулся:

- Сделать Полли комплимент - не значит подвергать тебя критике. Моей жене позволено иметь собственное мнение, и, если вы с ним не согласны, может, вообще стоит пересмотреть практику этих семейных ужинов?

- Петрос, как ты смеешь так со мной разговаривать? - потрясенно спросила его мать.

- О, мама, не принимай все так близко к сердцу, - вмешалась в разговор их младшая избалованная донельзя сестра. - Ты же знаешь, что Петрос всегда защищает любимую жену. Это фамильная черта мужчин нашей семьи. Ты ведь помнишь, каким был папа?

Как всегда, упоминание об умершем супруге вызвало слабую улыбку на ее лице, она невольно расслабилась и кивнула:

- И все же, Петрос, не забывай, что я твоя мать.

- А Коррина моя жена, - упрямо возразил он.

Ни у кого не возникло и тени сомнения, какой женщине он отдает предпочтение. Стасия зыркнула на брата и попыталась снова сгладить ситуацию, поскольку лицо матери вновь посуровело.

– Мамочка, не сердись на Петроса, ты ведь воспитывала его так, чтобы он во всем походил на папу.

– Выходит, что нет, – ответила мать.

Стасия продолжила играть роль миротворца.

– Коррина и Анна – счастливейшие из женщин, потому что замужем за мужчинами из семьи Кристалакис. Вряд ли я смогу найти себе такую же пару. Мужчины нашей семьи – самые заботливые и внимательные, не так ли, Анна?

Александрос удивился, что сестра пытается втянуть в разговор его жену. Даже после пяти лет брака сестра по-прежнему недолюбливала невестку. Но ответ жены привел его в еще большее замешательство.

– Не знаю, Стасия. Я не была знакома с вашим отцом. – Поллианна уселась в кресло таким образом, что он не мог сесть рядом. Раньше жена не позволяла себе такого. Она между тем продолжила: – Александрос никогда не относился ко мне так, как Петрос относится к Коррине.

Александрос на мгновение оцепенел. Его мозг отказывался переваривать услышанное. Неужели она сказала, что его младший брат лучший муж, чем он, Александрос? Это невысказано. Причем в ее тоне не было ни обиды, ни злости, она лишь констатировала тот факт, что он, Александрос Теос Кристалакис, – никчемный муж.

Худшее ожидало его впереди, а именно реакция присутствующих.

Стасия выглядела одновременно и оскорбленной, и удовлетворенной. На лице матери читались оскорбление и беспокойство. Но главный удар по его самолюбию нанесла Коррина, которая смотрела на Поллианну с нескрываемой жалостью.

Петрос же вовсе не смотрел на нее. Он уставился на старшего брата сердитым и полным разочарования взглядом. Никто и никогда в семье еще не смотрел на него так.

Александроса словно током ударило. Стало быть, Петрос и Коррина считают его плохим мужем. А ровный тон жены и ее спокойная уверенность говорят о том же.

Ему пришел на ум разговор с братом, незадолго до женитьбы Петроса.

* * *

Александрос строго посмотрел на Петроса, когда они пили кофе после совещания с топ-менеджерами компании, и сурово спросил:

- Неужели это так много - просить тебя отложить медовый месяц на неделю, чтобы ты мог присутствовать на этом празднике? Ты же знаешь, как это важно для нашей матери.

- Да, знаю, - не менее решительно ответил младший брат. - Однако ты ошибаешься, если считаешь, что я в браке стану следовать твоему примеру. Я знаю, что маме было тяжело после смерти папы, но ее чувства для меня не так важны, как женщина, с которой я хочу провести всю жизнь. Желание Коррины для меня - закон.

- Но порой семья требует жертв. Мы должны принимать во внимание не только желания наших жен, но и потребности остальных членов семьи, - возразил Александрос, подумав про себя, что ему тоже нелегко наблюдать, как его мать и жена борются за место в его жизни.

Но в конечном итоге он никогда не сомневался в способности Полли постоять за себя в случае необходимости.

Петрос ухмыльнулся:

- Ты имеешь в виду, что стараешься угодить и вашим и нашим?

- Совершенно верно.

– Ну уж нет, благодарю покорно. Я бы хотел, чтобы моя жена все еще любила меня и через пять лет.

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду?!

– А то, что я не стану откладывать медовый месяц в угоду желаниям мамы.

* * *

Тогда Александрос не придавал значения подтексту слов брата. Но теперь он вдруг подумал: а что, если Поллианна его разлюбила? Она по-прежнему была хороша в постели, но может быть, это просто похоть, а не любовь?

Он называл ее «моя любовь» по-гречески, но редко говорил, что любит, а она никогда не настаивала на подобных признаниях. Даже когда он предложил ей руку и сердце.

Он воспринял это как еще одно доказательство того, насколько хорошо они понимают друг друга.

Александрос произнес эти слова в первый раз, когда родилась их дочь и подарил ей роскошное кольцо – платиновую полоску, усыпанную бриллиантами чистой воды, – в знак вечной любви.

Оглядываясь назад, он вспомнил, что она тогда ответила взаимным признанием, но без присущей ей пылкости. И похоже, после этого она больше не говорила ему, что любит.

А он-то думал, что у них полное взаимопонимание и слова не нужны.

– И как у тебя язык повернулся говорить такое? – спросила свекровь полным негодования голосом.

Поллианна склонила голову набок, словно пытаясь понять вопрос.

– Разве у меня есть причины лгать? Кто-то из присутствующих питает какие-либо иллюзии относительно моего приоритетного места в жизни Александроса?

Она говорила с такой уверенностью, словно не могла понять, почему его мать обиделась, почему Александрос мог обидеться. Затем как ни в чем не бывало повернулась к Петросу и спросила:

– Вы с Корриной решили пока жить в квартире в Афинах?

Это было еще одно различие между Петросом и Александросом.

Младший брат переехал в один из двух пентхаусов Кристалакиса, когда окончил университет и получил свою первую должность в семейном бизнесе.

Они с Корриной решили остаться после свадьбы в пентхаусе, а не переезжать в более просторный фамильный дом, где жил Александрос с семьей, пока не купил загородную виллу.

Поколения их семьи жили в этой роскошной вилле вместе с тех пор, как его прадед купил ее для своей молодой жены.

– Но разве это удобно для семьи? – спросила его мать.

Петрос пожал плечами:

– Мы не спешим заводить детей, но, когда это произойдет, решим, хотим ли мы найти дом в Афинах или переехать за город, как это сделал Александрос.

– Нам очень нравится проводить выходные на вашей вилле, – с улыбкой заметила Коррина. – Хотя я уверена, что дело скорее в компании, чем в месте.

Поллианна тепло улыбнулась в ответ. Это была ее первая искренняя улыбка за вечер.

Он заметил, что брат назвал инициатором переезда именно его, подчеркнув тем самым, что Поллианна не имела права голоса в этом вопросе. Так оно и было. Александрос видел, как несчастна его жена в доме свекрови, поэтому нарушил

семейные традиции многих поколений и купил им дом и отделал его по собственному проекту.

Мать заверила, что его жене понравится, поскольку сама Поллианна, по ее мнению, мало что смыслила в дизайне интерьеров.

Его жена восприняла новость о переезде в загородную виллу, мягко говоря, без восторга, а скорее в штыки. Ему придется каждый день летать на работу в город.

На самом деле их спор о том, где они будут жить, был последней крупной ссорой, которую он мог вспомнить со своей чересчур эмоциональной в то время женой. Он думал, что она наконец-то освоилась с ролью жены миллиардера и поняла, что он действует в ее же интересах. Но, как выясняется, он только сейчас понял, какую цену заплатил за переезд.

– Александрос не откладывал рождение детей, – сказала его мать, явно не одобряя позицию Петроса в этом вопросе.

Коррина, казалось, хотела что-то сказать, но передумала. Она лишь покачала головой и крепко сжала губы.

– Ты что-то собиралась сказать? – спросил Александрос, все еще не оправившись от осознания того, что его невестка жалела его жену за ее выбор мужа.

– Не важно, – отмахнулась было Коррина.

– Но мы семья, – настаивал Александрос. – Говори, что у тебя на уме.

Поллианна насмешливо хмыкнула, чем немало удивила мужа.

Она давным-давно перестала реагировать на семейные разговоры. Он думал, что ее отношение к его матери и сестре изменилось.

Неужели Поллианна просто оставила попытки заставить его принять ее точку зрения?

Коррина бросила на него настороженный взгляд.

– Я только собиралась сказать, что, если бы мужчины понимали, что значит беременность для женщины и насколько тяжело для твоей жены вынашивать ребенка, вы могли бы на самом деле подождать заводить детей.

– Какая глупость, – заметила свекровь. – В этом главное предназначение женщины. И не стоит считать моего сына эгоистом, если он ожидает, что его жена подарит ему наследников.

– Моя жена не считает Александра эгоистом, – раздраженно возразил матери Петрос.

В этот момент в накалившуюся ситуацию вмешалась Поллианна, выступив в роли миротворца.

– Мне нравится роль матери, – обратилась она к Коррине. – Я знала, на что шла, решив родить второго ребенка. – А затем безмятежно улыбнулась свекрови: – Уверена, вы не хотели критиковать ни Коррину, ни Петроса за их желание повременить с наследниками.

– Конечно нет, – согласилась свекровь.

Хотя Александросу было очевидно, что мать явно лукавит. Петрос тоже не поверил матери, судя по выражению его лица. А вот Коррина немного расслабилась, приняв слова невестки за чистую монету.

– Ты прекрасная мать, – заметила Коррина.

– Спасибо, – улыбнулась в ответ Поллианна. – Хелена главная радость моей жизни.

Было время, когда она говорила, что главная радость ее жизни – это Александрос и их брак, но сейчас он затруднялся вспомнить, когда в последний раз слышал от нее эти слова.

Вошел дворецкий и пригласил всех в столовую, положив тем самым конец напряженной беседе. За столом Поллианна вновь постаралась направить разговор в безопасное русло, не реагируя на колкости свекрови и золовки. Неужели так было всегда и он игнорировал это в угоду семейному миру?

* * *

Только в одиннадцатом часу они наконец сели в лимузин, чтобы отправиться на вертолетную площадку и вернуться домой.

Александрос кипел весь вечер и едва дождался момента, когда они остались наедине.

– Не могу поверить, что ты выставила меня невнимательным мужем перед моей семьей.

Поллианна печально улыбнулась:

– А ты считаешь, что это не так?

– Когда это я тобой пренебрегал? – требовательно спросил он, проигнорировав вопрос жены. – Посмотри на меня. Я хочу видеть твои глаза, когда мы разговариваем.

Она подняла на него усталый взгляд.

– Разве когда-то было по-другому?

– Я внимательный и заботливый муж, – гнул свое Александрос.

– Как скажешь. – Она откинулась на подголовник и прикрыла глаза.

– И не нужно со мной спорить, – упрямо добавил он.

– А ты заметил, что я в последнее время вообще редко спорю с тобой о чем-либо, Александрос? И вообще, к чему этот разговор? Чего ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты признала, что я хороший муж, – не сдавался он.

И тут Поллианну прорвало. Она резко повернулась к мужу. Ее фиалковые глаза гневно сверкнули.

– Александрос, я на шестом месяце беременности и мама очень активной малышки. Даже без всех этих комитетов, которые я возглавляю и в работе которых активно участвую, я чувствую себя измотанной, а не просто усталой. – Она положила руку на свой округлившийся живот. – Во мне развивается новая жизнь. И я по-прежнему страдаю от приступов тошноты. Я не могу долго сидеть даже в самом удобном кресле, потому что тянет поясницу. Мне бывает больно ходить и стоять. Прямо как во время моей первой беременности. Но ты все еще настаиваешь, чтобы я посещала стилиста, дабы достойно выглядеть на этих скучных семейных ужинах, присутствие на которых к тому же требует почти часового полета на вертолете в одну сторону.

– Я и подумать не мог, что это настолько тяжело для тебя, – растерянно ответил он.

А стоило бы подумать, чертыхнулся он про себя.

– Естественно, ты ни о чем таком не думал, а если бы и подумал, что изменилось бы? Тебе всегда было все равно. Ни разу за все пять лет нашего брака ты не считался и не советовался со мной, принимая решения. Плохой муж, говоришь? Нет, ты не просто плохой, ты ужасный муж.

Александрос на миг остолбенел от подобных обвинений и несколько долгих мгновений молчал.

– Если я такой ужасный, почему ты не разведешься со мной? – спросил он, неожиданно испугавшись, что однажды, возможно, она именно так и поступит. Он давно понял, что материальные выгоды от брака с миллиардером ее не интересуют. Что же удерживало ее замужем за тем, кого она считала несостоявшимся мужем?

– Ты только сейчас задаешь себе этот вопрос? – Она вздохнула. – Мы связали себя клятвами перед Богом, и я не могу их нарушить просто так. У нас есть

общий ребенок и скоро будет второй. С момента зачатия первенца я перестала принимать решения, думая только о себе.

Он не сомневался, что она говорила правду, но перечисленные причины казались ему недостаточными.

- Значит, ты останешься замужем за мной, несмотря ни на что? - Это никак не вышло с его когда-то мятежной и страстной женой.

- Ну не совсем так, - ответила Поллианна.

- Что же может сделать эти клятвы недействительными? - вынужденно спросил Александрос, хотя безымянный страх твердил ему, что он ступил на тончайший лед, а он даже не понял, что вышел на замерзшее озеро.

- Жестокое обращение. Неверность.

- Но я ни разу не оскорбил тебя и никогда не изменял.

- Да, так оно и есть, - признала она, вздохнув. - И ты хорош в постели, - вынужденно добавила Поллианна. - Ты не эгоистичный любовник.

Просто эгоистичен во всех остальных отношениях, подумалось ей.

Александрос не нашелся что ответить.

Глава 2

Наконец они добрались до вертолетной площадки, и Александрос с облегчением выдохнул, потому что впервые в жизни не знал, как закончить этот непростой разговор.

Он наблюдал, как его жена с трудом выходит из лимузина, и ему впервые бросилось в глаза, что она выглядит усталой. Почему он не замечал этого

раньше? Ведь темные круги под глазами появились не сию минуту, и двигается она медленнее обычного. Александрос чертыхнулся, подхватил Поллианну на руки и понес к вертолету. Она не сопротивлялась, а просто расслабилась в его объятиях, обвив его шею руками. Александрос несказанно удивился. Неужели это признак того, что на каком-то первобытном уровне она все еще доверяет ему? Или просто настолько измучена?

Когда они сели в вертолет, молодой человек сбросил смокинг, а затем притянул ее в свои объятия и укутал смокингом, как одеялом. И снова она не сопротивлялась, а расслабилась и практически сразу заснула.

Значит, Поллианна просто очень устала.

Она не проснулась ни во время полета, ни когда он вынес ее из вертолета и отнес в дом.

Добравшись до спальни, Александрос впервые раздел жену, не планируя заниматься сексом. Не то чтобы вид ее прекрасного обнаженного тела не возбуждал его, но он не чудовище и понимает, что жена нуждается в отдыхе.

Независимо от своих взглядов на супружескую жизнь, он действительно заботился о ее благополучии. Она его жена, и он ее любит, хотя редко говорит ей об этом. Александрос осторожно вынул шпильки из ее волос и принес из ванной комнаты салфетки для снятия макияжа. Впервые в жизни он осторожно удалил остатки макияжа, который, как он знал, она не любила.

Так зачем же она его делала? Потому что он ясно дал понять, что она должна выглядеть достойной женой Александроса Кристалакиса, одного из влиятельнейших магнатов в Греции, если не в мире.

Он считал, что помогает ей адаптироваться в новом для нее мире, но не мог не задаться вопросом, насколько помогали его советы, сформулированные скорее как требования.

По его настоянию она занималась благотворительностью, но выбирала проекты, в которых не участвовала его мать.

За пять лет его жена создала свой собственный круг друзей, хотя и семейными интересами умудрялась не пренебрегать. Как ей это удавалось, для Александра было загадкой.

Покончив со снятием макияжа, он осторожно опустил жену на шелковую простыню и прикрыл легким одеялом. Затем быстро разделся и тоже скользнул под одеяло, напрочь забыв про деловой звонок в Китай. Он обнял жену и притянул к себе.

- Андрос, - прошептала она во сне, уткнувшись ему в грудь.

Он оцепенел, услышав имя, которым она не называла его несколько лет, даже во время любовных игр. Александр легонько потряс ее за плечо.

- Почему ты больше не зовешь меня Андросом?

- Андрос был мужчиной, в которого я влюбилась, - ответила она сонным голосом.

- А кто такой Александрос?

- Мужчина, за которого я вышла замуж. - Она вздохнула и повернулась на другой бок во сне. Подальше от него.

Александрос обнял жену и притянул к себе, пытаясь переварить услышанное. Его восприятие собственной жизни претерпело болезненную метаморфозу.

* * *

На следующее утро Полли проснулась отдохнувшей и полной сил. Впервые за неделю она чувствовала себя прекрасно, несмотря на вчерашнее объяснение с мужем в вертолете.

Она абсолютно не помнила, как раздевалась, как снимала макияж прошлой ночью, но она спала обнаженной, как любил муж, и лицо ее было девственно-чистым.

Она проснулась в одиночестве. Ничего удивительного. А вот желтая роза на подушке мужа – это что-то новенькое.

Полли автоматически поднесла розу к лицу, чтобы понюхать, одновременно пробегая глазами записку, оставленную мужем вместе с цветком.

«Доброе утро, любовь моя».

В общем, обычные слова. Ничего выдающегося, кроме того, что Александрос написал ей впервые за все пять лет их совместной жизни. Обычно он преподносил ей щедрые подарки на день рождения, годовщину свадьбы и праздники, а вот открытками или записочками себя не утруждал, хотя для Полли подобное внимание значило гораздо больше. Деньги Александрос зарабатывал шутя, а вот с выражением чувств дело обстояло сложнее.

Иногда он писал эсэмэски или звонил, но, поскольку она не отвечала немедленно и не хватала трубку, стоило его номеру высветиться на экране, подобное общение постепенно сошло на нет.

Полли отправилась в детскую за дочерью. Обычно они вместе завтракали. За завтраком Полли, как правило, отвечала на бесчисленные и порой весьма неожиданные вопросы трехгодовалой малышки. Сегодня Хелена расспрашивала о пандах, и Полли подозревала, что эти расспросы закончатся просьбой дочки отвести ее в зоопарк.

Мысль о длительной прогулке по дорожкам зоопарка с неугомонной дочуркой не вдохновляла, хотя можно взять с собой няню, и Полли ласково ответила:

– Может быть, но только не сегодня, радость моя.

– Хорошо, мамочка.

Телефон Полли просигналил о новой эсэмэске. Она удивилась, с чего это вдруг муж заинтересовался ее самочувствием. Коротко ответив, что она в порядке, Полли продолжила беседу с дочерью о различных обитателях зоопарка.

Тут же пришло новое сообщение:

«Не говори, что с тобой все в порядке, когда это не так. Ты по-прежнему чувствуешь себя измученной?»

Полли в удивлении уставилась на экран телефона. С каких это пор мужа волнует ее самочувствие? Он сугубо деловой человек, сочувствие и забота ему не свойственны.

«Почему интересуешься? Хочешь что-то добавить в мой график?»

По ее мнению, только рабочий момент мог заставить его поинтересоваться ее самочувствием. Но почему в таком случае он не обратился к ее помощнице? Полли наняла Бэрил в первый год замужества, как только поняла, что ей нужен своего рода буфер в общении с семьей мужа и его деловыми партнерами. Бэрил происходила из знатной, но обедневшей афинской семьи и была прекрасно знакома с высшим обществом и его привычками. Она и занялась организацией светской и публичной жизни Поллианны. Бэрил стала неоценимым приобретением, поскольку теперь Полли могла успешно сочетать обязанности супруги магната, оставаясь при этом любящей и заботливой мамочкой, о чем всегда мечтала.

Она послала новую эсэмэску Александросу:

«Спроси у Бэрил. Она в курсе моего графика».

Она прекрасно знала, что Александросу это известно, но ей была любопытна его реакция.

Зазвонил телефон. Это был Александрос.

– Я не собирался менять твой график, дорогая. Просто хотел справиться о твоём самочувствии. Вчера ты выглядела изможденной.

– Не забывай, что я беременна.

– Я приеду домой на ланч, – неожиданно заявил он.

– Зачем? – удивленно поинтересовалась Полли.

– Повидаться с женой и дочкой.

– Хорошо, но учти, что Хелена ложится отдыхать в час дня.

– Я приеду в полдень.

– ОК.

За несколько минут до полудня Полли, изучавшая материалы предстоящего благотворительного аукциона, услышала шум вертолета. Дочка сидела рядом за детским столиком и раскрашивала зверушек в альбоме. Эта комната служила Полли своего рода кабинетом, и ее интерьером ей было позволено заняться самой, как и детской. Остальная часть дома была похожа скорее на фешенебельный отель, чем на жилье обычной, пусть и богатой семьи.

– Это папа прилетел? Пойдем его встречать? – Девчушка резво вскочила со стульчика и протянула Полли руку.

Они вышли из дома и двинулись навстречу улыбающемуся Александросу, который пересекал лужайку, направляясь им навстречу. Хелена вырвала ладошку из материнской руки и со всех ног бросилась навстречу отцу. Он поднял ее на руки, расцеловал в обе щеки и внимательно слушал ее щебетание.

Как всегда при виде красавца-мужа с дочуркой на руках, у Полли сжалось сердце. Как же она его любит! Хотя совсем не о таком муже она мечтала, но ничего не может с собой поделать. Вчера она не призналась ему, что безумно его полюбила пять с половиной лет назад и до сих пор любит так же страстно. Конечно, он не идеал, но тем не менее его есть за что любить.

Во время ланча выяснилось, что Хелена хочет в зоопарк.

- Но тебе, вероятно, это тяжело? - озабоченно спросил Александрос.

- Наша дочь не виновата, что ее мама беременна, - резонно ответила она.

- Вот была бы у нас няня, она могла бы отвести Хелену в зоопарк, - начал Александрос их старый спор.

Полли решительно отказывалась нанять дочке постоянную няню. Она предпочитала иметь двух помощниц, работающих посменно. Пожилая вдова Дора работала с шести утра до двух дня, а студентка-заочница Хироу помогала с шести вечера до полуночи.

У обеих были комнаты в доме. Однако вся ответственность за дочь лежала на Полли. Она была чрезвычайно любящей и преданной мамой и не желала перекладывать воспитание дочери на посторонних. Обе помощницы были лишь на подхвате.

- Конечно, Дора могла бы пойти с Хеленой в зоопарк, - ответила Полли. - Но мама Хелены - я, и наши совместные вылазки очень важны.

- Ну вот будешь получше себя чувствовать, и вы их возобновите, - резонно заметил Александрос.

- Нынешняя беременность очень похожа на первую, стало быть, мой дискомфорт никуда не денется, - сказала Полли.

- Это боли, а не дискомфорт. Называй вещи своими именами, - твердо заявил он. - И я нашел средства, чтобы избавить тебя от них.

- Никаких болеутоляющих, - тут же возразила она. - Это вопрос решенный.

Они обсуждали эту тему во время первой беременности, и Полли казалось, что муж с ней согласился.

– Я имею в виду не болеутоляющие, а хиропрактики и акупунктуру, – невозмутимо произнес он. – Я нашел прекрасную клинику и двух опытных врачей с отличной репутацией.

– Хочешь сказать, что поверил в альтернативную медицину? – изумилась Полли.

– И вовсе она не альтернативная, а вполне себе традиционная и надежная, и ее тысячелетний практический опыт – яркое тому доказательство.

– Вы кто? И что такое случилось с консерватором до мозга костей Александросом Кристалакисом? – иронично поинтересовалась Полли.

Он рассмеялся, и его бархатный смех отозвался в ее душе легким трепетом. Однако Полли действительно недоумевала по поводу случившейся с мужем перемены.

– Как тебе в голову пришло искать подобную клинику?

– Я же сказал, что провел исследование.

– Потому что понял, что меня преследуют боли?

– Жаль, что ты не сказала мне раньше, а сам я не догадывался.

– А зачем мне было жаловаться? – искренне удивилась Полли.

В первую беременность она пыталась поделиться своими проблемами с мужем, но он отнекивался, ссылаясь на занятость, и отправлял жену к своей матери. Но общение со свекровью никогда не доставляло Полли удовольствия, к тому же Афина редко давала дельный совет. Так что она привыкла справляться с недомоганиями и плохим самочувствием сама.

– Я бы принял меры гораздо раньше, пожалуйся ты мне на боли.

– Какие меры? – любопытствовала она.

– Я сообщил матери и сестре, что отныне и до нового уведомления наши еженедельные семейные встречи будут проходить здесь, и это будут не обеды, а ланчи.

Полли не на шутку встревожилась. А хочется ли ей быть хозяйкой и принимать у себя дома свекровь и золовку? Что, если на чужой территории Афина и Стасия примутся критиковать ее еще сильнее?

С другой стороны, Полли не могла не признать, что выдержать ланч для нее гораздо легче, чем обед, и физически, и по времени.

– Я должен был так поступить и в твою первую беременность, – заявил Александрос с виноватой улыбкой на лице.

«Что это с ним?» – удивилась Полли. Сострадание – не его конек. Видимо, эта мысль отразилась на ее лице, потому что Александрос спросил:

– Не веришь мне?

– Нет, – честно ответила она.

– Поверь, что твое самочувствие мне небезразлично, – настаивал он.

– С каких это пор?

– Всегда.

– Но раньше... – Полли прервалась на полуслове.

– Что? – Его красивые губы скривились в ухмылке. – Не стоит обсуждать? – вкрадчиво спросил он. – Тем не менее я отвечу на твой незаданный вопрос. Тогда я был занят решением жизненно важного вопроса для моего бизнеса: один могущественный конгломерат пытался захватить мою флагманскую компанию. Я всецело окунулся в борьбу, поручив заботы о тебе своей матери.

Александрос усмехнулся, увидев выражение лица Полли.

– Я так понимаю, что маман была тебе не лучшей утешительницей и советчицей. Теперь понимаю, что, вероятно, ее взгляды на вынашивание ребенка безнадежно устарели.

Полли снова удивилась. Она впервые услышала из уст мужа критику его матери, пусть и в мягкой форме.

Александрос очень опекал мать. Когда они встретились, прошло чуть больше года после смерти его отца, и Афина тяжело переживала утрату. Иногда Полли казалось, что именно настроение в семье заставило Александроса сделать ей довольно поспешное предложение.

– А может, мой дискомфорт доставлял ей удовольствие, – предположила Полли.

Александрос сдвинул брови:

– Не думаю, что это так.

Полли не стала спорить. Она знала, что мужа бесполезно переубеждать.

И если честно, то Полли не была уверена, что Афина наслаждалась ее болью. Хотя ей и казалось, что все это было связано с усилиями Афины и Стасии принизить ее роль в жизни Александроса.

Как бы там ни было, Полли не позволит себя убедить, что муж изменился существенным образом только потому, что принял в ней участие и откликнулся на ее проблемы.

Это старая песня. Афина Кристалакис была в ярости из-за того, что ее сын женился на американской простолюдинке вместо того, чтобы взять в жены одну из красивых и богатых греческих светских львиц, которых она ему подсовывала в течение многих лет.

С милой улыбкой на лице Афина делала все, чтобы отравить существование нежеланной невестки. Высшее общество относилось к Полли с таким же хорошо завуалированным презрением. Афина и ее дочь Стасия сделали все возможное, чтобы Полли почувствовала себя аутсайдером, Афина даже изменила имя Полли!

Называла ее Анной, не спросив согласия Полли, которого она бы не дала.

Что же до Александроса, то он буквально за одну ночь превратился из каменно-упертого в проникательного, и Полли пока не знала, как к этому относиться.

– Я думаю, что у моей матери почти столько же оснований помириться с тобой, сколько и у меня.

Внезапно Полли осенило.

Ее муж невероятно склонен к соперничеству. И прошлой ночью она непреднамеренно вызвала у него потребность доказать, что он лучший муж, чем его младший брат.

Жаль, что он не способен дать ей то, чего она жаждет, – взаимной любви.

– У тебя послезавтра назначена встреча с мануальным терапевтом и иглотерапевтом, – сказал он, меняя тему разговора, чего раньше за ним не водилось. – Я бы договорился на завтра, но у тебя уже назначен прием у гинеколога.

– Среда? Но у меня заседание комитета в Афинах. Ты забыл, что я собиралась лететь с тобой на вертолете? – Берил устроила это, как она всегда делала, когда Полли нужно было попасть в город.

Полли возвращалась домой на автомобиле с водителем после совместного ланча со своим занятым мужем. Это было одно из редких удовольствий, которого она с нетерпением ждала: побыть наедине с Александросом днем.

– Больше никаких полетов на вертолете в Афины, пока ты носишь нашего ребенка. – Тон, которым это было сказано, не подразумевал возражений.

– Но моя благотворительная деятельность! – все же попыталась возразить Полли. Он ведь сам говорил не раз, что у его жены должны быть обязательства перед обществом.

– Это может сделать кто-то другой. Берил, например. Она прекрасно справится, а мы найдем ей помощницу. – Он перегнулся через стол и взял ее за руку. – Послушай, жена моя, ты слишком мне дорога, чтобы рисковать твоим здоровьем. Твоя благотворительная деятельность, вне всякого сомнения, очень важна, но в данный момент твое здоровье гораздо важнее.

Он говорил правильные вещи, но она почему-то ему не верила.

Полли не могла позволить себе дважды наступить на одни и те же грабли, полагая, что он любит ее, ценит и женился на ней не только из-за безудержной похоти, которую испытывал к ее телу.

– Хотя Берил ценный сотрудник, но она не жена миллиардера.

– Она работала с тобой бок о бок все это время и не подведет, – уверенно сказал Александрос.

– Я полагаю, ты уже обсудил с Берил изменения в ее обязанностях?

Он мог бы слукавить и сказать, что придумал это сейчас, но Полли не проведешь.

– Ты хорошо меня изучила, – признал он.

– А тебе не пришло в голову, что не мешало бы сначала посоветоваться со мной?

– Зачем? Я обнаружил проблему и нашел выход. Что в этом плохого?

– Я должна решить эту проблему сама.

– Только ты ее не решала, а загоняла себя в угол.

Она не могла этого отрицать. У Полли была своя гордость, и она не хотела признавать, что физически не соответствовала тому графику, которого пыталась придерживаться.

– Если ты и няню нанял за моей спиной, нам предстоит серьезный разговор, – предупредила она.

– Обожаю, когда ты сердишься, – подначил он.

– Ты правда хочешь, чтобы я разозлилась на тебя или спорила с тобой? – Ей было искренне непонятно, зачем он хочет, чтобы она пикировалась с ним, как в начале их брака.

– Я просто хочу, чтобы ты стала прежней Поллианной и включила меня в круг тех, кому доверяешь.

– Кого ты имеешь в виду?

– Прежде всего моего брата и его молодую жену.

Он не упомянул семью Полли потому, что понял, насколько по-разному ее родители, братья и сестры относились к Полли по сравнению с его собственной матерью и сестрой.

– Никто из них не называет меня Анной.

– Значит, все, что мне нужно сделать, – это называть тебя Поллианна, чтобы вернуться в ближний круг? – спросил он тем соблазнительным тоном, который обычно приберегал для спальни.

Полли вспыхнула от мгновенной реакции ее тела на этот тон.

– Я не знаю, о каком круге ты говоришь, – слукавила она.

На самом деле она прекрасно поняла, о чем речь. Он имел в виду людей, которым она доверяла, включая тех немногих, на кого могла положиться с тех пор, как переехала в Грецию.

Своему мужу она не доверяла.

- Знаешь, - возразил Александрос.

- Да, знаю, - призналась она.

- Я зову тебя Анной, и тебе это не нравится.

- Это не мое имя.

- Это уменьшительное от Поллианна.

- И твоя мать считает это имя более приемлемым. Я знаю.

- Но ты никогда не просила называть тебя Поллианной.

Она покачала головой. Переписывал ли он сейчас историю?

- Это неправда.

Он уставился на нее и хотел было возразить, но потом, должно быть, вспомнил, потому что странно побледнел.

- Да, ты говорила мне, что Анна - не твое имя и ты предпочла бы, чтобы я не использовал его, - признал он.

- Однако твоя мать ясно дала понять, насколько неприемлемым она считает мое настоящее имя.

- И при ней я называл тебя Анной.

- Не только при ней.

Он поморщился, признав правоту жены. А Полли еще раз убедилась в том, что желания матери для него закон. Так было и так будет всегда.

К облегчению Полли, их разговор прервала Хелена, потребовавшая внимания.

Это была странная прогулка в страну воспоминаний. Никто не мог изменить тот путь, по которому пошел их брак, потому что она слишком поздно поняла, что вышла замуж за человека, который, сам того не желая, причинял ей боль.

Даже в те редкие моменты, когда он был счастлив, например, в тот день, когда родилась их дочь, он не любил ее.

Ни один мужчина не стал бы обращаться с любимой женщиной так, как Александрос после их свадьбы и переезда в Грецию. Сам факт, что он настоял на переезде в свой фамильный дом, который им пришлось делить с двумя злыми ведьмами, доказывал, что ее чувства не имеют для него практически никакого значения. Он с самого начала знал, что Афина хотела, чтобы он женился на совершенно другой женщине. Но Полли была так наивна и влюблена, что поначалу не замечала презрения, скрытого за слащавой улыбкой свекрови. А когда разобралась, научилась прятать свои мысли и эмоции так искусно, что даже муж ни о чем не догадывался.

Они вместе уложили дочь отдыхать, и Полли так наслаждалась семейной идиллией, что на глаза навернулись слезы.

– С тобой все в порядке? – спросил он, когда они вместе вышли из спальни дочери.

– Да, все хорошо. – Она не считала этот краткий ответ обманом.

Она просто сказала то, что он ожидал услышать.

Внезапно она оказалась в его объятиях, и он понес ее в их спальню.

– Сейчас середина дня, Александрос! – изумленно заметила Полли.

– Когда это меня останавливало? – резонно ответил он.

Это правда. Иногда во время послеобеденного сна дочери в выходные дни они наслаждались супружеской близостью. Но никогда в будни, потому что Александрос всегда был на работе.

Это что-то новенькое.

– Разве тебе не нужно возвращаться в офис? – спросила она с удивлением, когда он бережно опустил ее на кровать.

– Офис подождет. – Он быстро скинул пиджак, развязал галстук, а ловкие пальцы уже расстегивали пуговицы рубашки.

Полли ахнула, прикрыв рот ладонью, настолько велико было ее потрясение от этого беспрецедентного заявления.

Глава 3

Александрос нетерпеливо стянул рубашку через голову, и его атлетический торс, к которому она так любила прикасаться, открылся ее голодному взгляду.

Он расстегнул кожаный ремень и даже не потрудился вынуть его из петель, как обычно делал, прежде чем расстегнуть брюки и спустить их с бедер.

– Они так помнутся, – заметила Полли.

– Ну и ладно, – отмахнулся он.

Она покачала головой, ее взгляд был прикован к его обнаженному телу.

– Мне нравится, когда ты так смотришь на меня, – хриплым от вожделения голосом произнес он.

Полли приподнялась на локтях и соблазнительно ему улыбнулась. Хотя она больше не верила, что он любит ее, секс по-прежнему был отдушиной для обоих. В этом она была абсолютно уверена. Их тела словно созданы друг для друга, так хорошо им вместе.

Она принялась было расстегивать платье, но Александрос перехватил ее запястья.

- Раздеть тебя – моя привилегия, – пробормотал он.

Действительно, так было всегда. Это своего рода прелюдия. И секс определенно не за горами. Взаимное желание, не угасающее все пять лет брака, наполняло обоих нетерпеливым ожиданием. Прекрасный в своей наготе и уже возбужденный Александрос рывком поднял Полли на ноги и развернул, чтобы расстегнуть молнию на платье. Его ладони медленно скользили вниз, обнажая прелестные изгибы ее слегка располневшего тела.

- Не томи меня, Александрос, – страстно прошептала она, подаваясь ему навстречу.

- Обожаю тебя, жена моя. Никто другой никогда не будет тебя так ласкать, – прохрипел он и прижал ее к себе, чтобы она почувствовала всю силу его возбуждения.

- Какой же ты собственник, – улыбнулась она.

- Потому что ты моя.

- А ты мой, – напомнила Полли. – Мы носим одинаковые обручальные кольца.

В ту же секунду жадные губы Александроса обрушились на ее рот в страстном поцелуе. Она больше ни о чем не думала, отдавшись на волю чувств. Он обхватил ее за талию и впечатал в себя так, что она почувствовала всю силу его эрекции. Неудержимый зов плоти и пронзительное желание внезапно сжало грудь Полли. Она обвила его шею руками и призывно выгнулась навстречу.

Когда он оторвался от ее губ, у нее кружилась голова, она хватала ртом воздух и дрожала. А он тем временем переключил внимание на ее шею, слегка прикусывая ее зубами и покрывая нежными поцелуями.

Она взглянула на него и утонула в огненной лаве его эбеновых глаз.

– Тогда действуй, Александрос, пожалуйста.

Он не заставил просить себя дважды. Он раздвинул ее ноги и принялся неистово ласкать, лизать и целовать ее мягкие интимные складки. Теперь ей захотелось немедленно почувствовать его внутри себя.

– Хочу тебя всего, – страстно прошептала она.

Когда он соединился с ней, Полли приняла его с блаженным стоном. Наконец-то острое до боли желание было заполнено его горячей, тяжелой, твердой плотью. Наконец-то происходило то, чего требовало ее тело, что было так правильно и так восхитительно, что слезы выступили у нее на глазах.

Ей было удивительно легко приспособиться к его ритму. Это получалось инстинктивно. Она с восторгом открывалась ему, сама удивляясь работе скрытых в глубине ее тела мышц, которые сжимались, упивались им и соглашались отпустить только в предвкушении следующего, еще более сладостного единения их плоти.

Полли обвила его ногами: он принадлежит ей. Она гладила его спину: бери меня, я твоя. Она плыла на волнах экстаза, чувствуя, как в страстном порыве напрягается его тело, как учащается его дыхание, как по телу пробегает дрожь, предвещающая заключительный спазм.

Ощущения невиданной остроты подняли ее на гребень почти мучительного предвкушения апогея любви. Она вскрикнула, и в следующую секунду почувствовала, как взорвалась его плоть и его жизненное тепло разлилось внутри ее. Невероятное великолепие этого слияния насквозь пронзило ее упоительным трепетом.

Они перекатились на бок, все еще сжимая друг друга в объятиях и не разрывая своего единения. Грудь Александроса судорожно вздымалась. Он тяжело и прерывисто дышал. Полли нежно гладила его по спине, надеясь, что он тоже испытывает чувство удовлетворения.

Она потерлась головой о его грудь и поцеловала твердые мышцы.

- Это было приятно.

- Лучше чем приятно, - отозвался он.

- Волшебно, - промурлыкала она.

- Сногсшибательно, - добавил он.

Полли подавила зевок.

- М-м-м. Я не должна бы устать. Я прекрасно сегодня выспалась.

- Но ты беременна. Тебе нужно больше отдыхать.

- Если ты так считаешь...

- Именно.

Вскоре она и правда задремала в его объятиях, и Александрос, осторожно освободившись, выскользнул из кровати.

- Мне нужно принять душ и вернуться в Афины.

- Труба зовет, - пробормотала она.

Он рассмеялся.

- Возможно, но сегодня днем труба играла для моей женщины.

Она улыбнулась ему, упиваясь правдивостью этого утверждения.

Полли заснула под шум душа в ванной, а несколько часов спустя обнаружила, что Александрос дал строгие указания ее не беспокоить. Берил отвечала на звонки, а Дора согласилась присматривать за Хеленой до тех пор, пока не появится Хироу. Все это было организовано мужем перед вылетом обратно в Афины.

* * *

На следующее утро Полли в изумлении застыла на пороге столовой при виде Александра, сидящего за столом вместе с Берил и Хеленой.

- Я остался дома, чтобы пойти с тобой на прием к гинекологу, - ответил он на ее невысказанный вопрос. Александрос сказал это таким тоном, словно ожидал за это медали.

- Ты сказал, что у тебя нет времени.

- Когда это я говорил такое?

- Когда я была беременна Хеленой.

- Тогда все было по-другому, - ответил он.

- Эта история с борьбой за флагманскую компанию? - спросила она.

Он молча кивнул. Легкий румянец недовольства заиграл на его мужественном лице. Ему не нравилось думать о том времени больше, чем ей, хотя и совсем по другим причинам.

- Но я уже на шестом месяце беременности.

- Все меняется.

Неужели он понял, что его брат с самого начала посещал бы врача вместе с Корриной? Значит, снова в нем разыграл дух соперничества. Но так как она всегда хотела, чтобы он был рядом с ней на приемах у врача, она просто сказала:

- Хорошо.

Он бросил на нее взгляд, который она не смогла понять, хотя и не очень старалась, потому что была слишком занята приведением своих собственных хаотичных мыслей хоть в какой-то порядок.

Они с Берил обсудили ее расписание на день, и Полли поняла, что Александрос имел в виду, когда сказал, что, по его мнению, она слишком много работает. Он уже дал Берил указание отменить встречи или пойти вместо Полли. Она не стала спорить, потому что, честно говоря, с утра чувствовала усталость. Ее беременность протекала нелегко, хотя Полли старалась не показывать вида.

* * *

У акушера-гинеколога глаза на лоб полезли от изумления при виде Полли в компании мужа.

Они встречались всего раз, когда Полли рожала Хелену, и тогда жутко не понравились друг другу.

Доктор Хоуп не испытала восторга оттого, что будущий отец появился в родильном зале буквально за несколько минут до рождения дочери.

Однако Полли рожала не в одиночестве.

Александрос организовал приезд ее родителей из Штатов за две недели до родов. Мать Полли оставалась с ней все время, пока продолжались схватки, а отец ждал в коридоре, но иногда заходил в палату поддержать дочь между схватками.

Отец улетел домой через неделю после рождения Хелены, а мама оставалась с Полли и внучкой еще месяц. И это было по настоянию Александроса, напомнила себе Полли.

И тем не менее при виде ошеломленного лица доктора Полли не сдержалась.

– Не знаю, почему все пытаются доказать мне, что муж не проявляет обо мне должной заботы? Я сама это знаю. Я делаю все, что в моих силах.

Хотя, вероятно, ей следовало бы умерить свою гордость и позволить мужу проявлять о ней заботу если не своим вниманием, то хотя бы материально.

Доктор Хоуп страдальчески поморщилась.

– Я знаю, Полли, что ты умница, – ободряюще сказала она, бросив многозначительный взгляд на Александра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/monro_lyusi/derzkoe-trebovanie-nevesty

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)